

ДЯТЕЛ,

БЕЗПАРТІЙНЫЙ

Еженедѣльное литературно-сатирическое изданіе.

Адрес редакціи: Благовѣщенск, Большая улица, рядом с почтой, № 102.

Подписная цѣна на 1 мѣсяц—1 руб. 20 коп.

№ 6. Воскресеніе, 3 марта (18 февраля) 1918 года. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го:

«Из пророка Іереміи, стих. Ф. Ч.

«Удалой набѣг», очерк Язвы.

«Старая хлѣб-соль забывается», стих.

Амура.

«Канитель», Гусяра.

«Пѣснь о Кульдурском ключѣ, Гусяра.

«Словарь знаменитых современников»,
Граж. Уклейкина.

**, стих. Сибирскаго пролетарія.

«Дочь Шамана», пов. К. Рѣзниченко.

«Нина Степановна», рассказ С. Рина.

«Путем-дорогаю», очерк И. Т. Рѣшетнева
Мелочи.

РИСУНКИ:

Развязка.

Гаситель.

Финал углубленія.

Во вторник 5 марта (20 фев. ст. ст.)
В ТЕАТРЪ ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ
любительскими силами будет дан литературно-музыкальный

Сибирскій вечер ТАНЦЫ.

По новой оригинальной программѣ.

ПО ОКОНЧАНИИ

Играют 2 оркестра. Цѣны билетамъ обыкновенныя. Билеты заблаговременно продаются в Толстовской читальнѣ (Кузнечная, 3) и въ конторѣ газеты Народное Дѣло, а в день спектакля в кассѣ Обществ. Собранія.

Подробности въ программахъ.

Распорядитель Гр. Новиков.

Дятлово дупло.

Здѣсь. Попугаю. Представьте себѣ, что к вам пришел в гости неизвѣстный, вам человек и, не называя своего имени, приказал вам ставить самовар, и без приглашенія закурил вашу папиросу, и разлегся на вашей кровати, и стал рассказывать армянскій анекдот? Что вы сдѣлали бы? Вы-бы выбросили бы этого господина. То же самое дѣлаем мы—с анонимными письмами.

— Ф. Зв—скому. Эта тема уже исполъзована нами. Шлите еще.

Письмо в дупло

«Дятла, безпартійнаго».

На Амурѣ птичій крик.
На Амурѣ птичій праздник—
Наш любимец, наш старик,
Дятел, мудрый наш проказник,
Птичій выпустил журналъ.

На людей, вишь, накатило
И случился «гросс-скандалъ»:
Здравых слов им не хватило!
Дятел-хлоп! в дупло станок,

Подобрал щеглят, синичек
И четвертый уж листок
Тиснул он во славу птичек.

А поэтому - сему
Земляков-галчаток стая
Шлет привѣтствіе ему—

«Да живет, не умирая,
Сто годов!».

И к сему так-же подписуюсь Андрей—
воробей.

Галчина стая.

~!!!~

ВСТРѢТИЛЪ

Тчаливай! ишь, оголѣлый!
Много вас шляется здѣсь.
Буркалы что то-и-дѣло
Пялишь свои под навѣс?
Видно, что парень бывалый,
Видно, что издалика.
Но, брат, я тоже удалый—
Вмиг обломаю бока
Знаем мы вашего брата!
Знаем, как вас угощать!
Слышь, уходи! иль ребята
Всыпят, так будешь богат.
Вот навязался, проклятый!
Ну-же, проваливай, слышь!
Иль как тресну лопатой!..
Что-же ты, лѣшій, стоишь?
Знаю я вашего брата,
Многих уже угощал.
Слышь, уходи! иль ребята..
Тятя! Иль ты не узнал?».

Крапива.

БЕЗПАРТІЙНЫЙ

Еженедѣльное литературно - сатирическое изданіе.

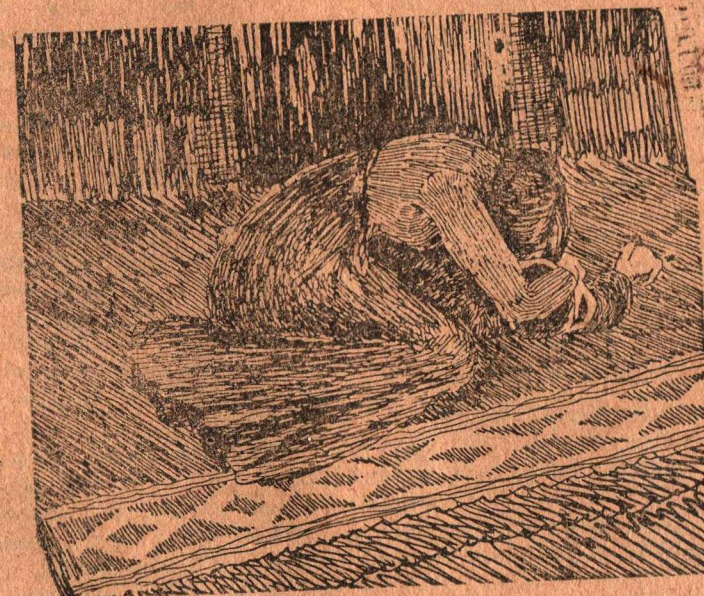
Подписная цѣна: на 1 мѣсяц—1 р. 20 к.

Объявленія—по 50 к. за строку.

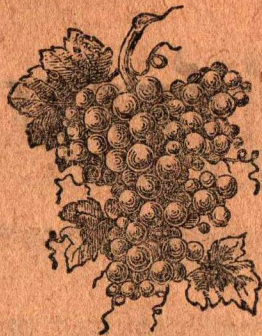
Адрес редакціи: Благовѣщенск, Большая улица, дом № 102.

№ 6. Воскресеніе, 3 марта (18 февраля) 1918 г. № 6.

Рис. Netti Lojr.

РАЗВЯЗКА.

Из книги пророка Іереміа.

Воспряньте, сильные! Садитесь на коней,
Берите копья и сѣкиры,
И мчитесь, быстрые, как вихорь средь полей

И рухнут старые кумиры,
Пускай вѣнчают головы бойцов
Кроваво-красные покровы!
На Ханзан! Он был отцам отцов
Обѣщан словом Іеговы!
Неситесь в бой, отважные полки,
Подобно лавѣ, с гор бѣгущей.
Мы-ж будем плестъ побѣдные вѣнки
Под сѣнью прадѣловскихъ кушей.

Не срывайте цвѣтов! Не свивайте вѣнков!
Бѣглецы не бываютъ героями.
В раны тяжкія нам не вливайте бальзам—
Нас прогнали ручными побоями.
Мы проспали мечи под покровом ночи,
Виноградным вином опьяненные.
И под отчий шатер принесли лишь позор
Да презрѣнье... мы—пьяницы сонные!

Ф. Ч.

Удалой набѣг.

(Из дѣтства Ивана Грязнова).

В шалашѣ Пахомыча происходитъ что-то страшное. Можно подумать, что там имѣютъ стоянку самые крупные тропическіе звѣри. Оттуда несется и львиный рык, и мѣлиный свист и пыхтѣніе сердитаго носорога.

Что там такое творится в эту темную ночь? Уж и впрямь не жрут-ли львы и носороги несчастнаго Пахомыча? Уж и впрямь не происходит-ли там звѣринный пир над останками стараго охранителя яблонь и груш Буренчихина сада? Ой, ка-

кіе грозныя звѣри, страшно!

Но Иван Грязнов, Ефим Козлов и Васка Бусин не боятся. О, даже наоборот! Эти страшные звуки вливаютъ в них особую отвагу!

Ибо знаютъ они, что весь этотъ звѣринный концертъ производится однимъ, самымъ безобиднымъ инструментомъ: Пахомычевымъ носомъ. Даже удивительно, какъ одинъ носъ можетъ надѣлать столько шума. Правда, носъ Пахомыча—носъ не малый. Это про него говорится: «Ай-да носъ! Семерымъ Богъ носъ, а одному достался!» Но даже и семеро носовъ не всегда на шумятъ столько, сколько одинъ Пахомычевъ.

А Ивану только этого и надо!

Вѣтра нѣтъ, а яблоня трясется. Тишина стоитъ в воздухѣ, а трясется, дрожитъ яблоня всѣми вѣтками... Видитъ она, чувствуетъ она, какъ ползутъ по землѣ лютые, разбойники, ползутъ на животахъ отважные грабители, и трясутся отъ страха яблонины вѣтки, и дрожь передается всему саду, и дрожатъ сливы и груши, и дрожитъ ранетъ и антоновка, и вздрагиваютъ вѣтки чернаго дерева...

Вѣтра нѣтъ, а дрожатъ и гнутся вѣтки аниса. Это Васка Бусин ползетъ по стволу и срываетъ пахуче, остро-сладкіе яблоки и спускаетъ ихъ в мѣшокъ...

А Иванъ обрабатываетъ антоновку, а Ефимъ сидитъ на ранетѣ, и всѣ творятъ злое грабительское дѣло.

Спитъ Пахомычъ. Спитъ, выдѣлывая носомъ звѣринный концертъ. Ах, зачѣмъ Буренчиха поднесла ему два стаканчика! Слабъ и немощенъ Пахомычъ! Спитъ онъ, и не чувствуетъ его старое сердце, какъ опустошается сад. И Буренчиха спитъ. Наплясалась на помоловкѣ Фени-племянницы, и спитъ на своемъ пуховикѣ, нѣжка восьминудовое вдовье тѣло.

Ночь темна, но зорки разбойничьи глаза. Самые крупные яблоки с глухим шумомъ опускаются в мѣшки.

И пухнутъ мѣшки, наполняются. Грабежъ идетъ беспощадный.

Эх, не будемъ описывать его подробно. Нехорошее это дѣло! Не берите о, дѣти, примѣръ с Ивана! Будьте паиньками!

Кончено. Разбойники стоятъ под антоновкой и совѣщаются. Имъ мало удачнаго грабежа. Имъ нужна еще экстренная пакость надъ Пахомычемъ.

Отвернитесь, ш... какъ Иван беретъ длинн... кладетъ ее поперекъ входа в шалашъ. Зажмурьте глаза, дѣти, не глядите!

Вы вѣдь не видите? Вы не видите, какъ всѣ троє бросаются на шалашъ, и продавливаютъ его крышу, и на Пахомыча обрушивается старая солома, и онъ вскакиваетъ, и хочетъ выскочить из-подъ падающаго шалаша, но запинается о жердь и падаетъ головой в крапиву.

Вы не видите, дѣти, какой пук искры вылетаетъ изъ глазъ Пахомыча, а разбойники—уже далеко, они удираютъ низами к озеру, и хохочутъ, и пляшутъ, и кувыркаются...

Мѣшки стали тощѣ, за то животы переполнены и стучатъ, какъ барабаны. Больше ѣсть никто не можетъ. А осталось еще много.

Военный совѣтъ. Рѣшено: остатки яблокъ закопать подъ ветлой, а самимъ идти спать.

Ркоутъ яму. Пятернями отдираютъ дерн, роютъ яму, кладутъ в нее мѣшки, и снова кроютъ дерномъ и лѣниво пляшутъ, чтобы примять.

Потомъ идутъ по домамъ.

Утромъ Иванъ идетъ купаться. Уже во дворѣ онъ снимаетъ с себя рубашенку и штаны, беретъ ихъ подъ мышку и летитъ к рѣчкѣ. Но вдругъ вспоминаетъ о кладѣ подъ ветлой и сворачиваетъ к нему.

Дьяконова свинья уже доѣдаетъ послѣднюю ранетку. Доѣдаетъ, хрюкая отъ наслажденія и хмуритъ свои свиньи бѣлья.

Иванъ отъ неожиданности встаетъ в сѣмлю.

— Ахты!—только и можетъ крикнуть онъ. Свинья, почувствовавъ опасность, пускается на утекъ, но Иванъ бросается за ней, догоняетъ, хватается за хвостъ и старается остановить. Это трудно. Здоровая, проклятая! Иванъ тянетъ к себѣ все сильнѣе, и свинья громко оретъ, и визжитъ, и дьяконовъ работникъ, несущій с рѣчки два ведра воды, покоромыслѣ, грохочетъ ведрами о землю, и с коромысломъ на перевѣсѣ мчитъ за Иваномъ.

— Ванька! Канай!—слышится голосъ Васки, наблюдающаго эту сцену изъ кустовъ лебеды.

Иванъ оборачивается и видя близкое возмездіе, бросаетъ свиной хвостъ и летитъ к рѣчкѣ.

Дьяконовъ работникъ разряжаетъ весь зарядъ словесности и долго терпитъ коромысломъ бѣглецу. Потомъ возвращается, подымаетъ ведра и снова идетъ к рѣчкѣ.

День начинается...

Язва.

~??~

Старая хлѣб-соль за- бывается.

(Народная сказка).

І.

Какъ у дѣда Анкудина
Уродилось два сына,
Два сыночка-близнеца,
Два пригожихъ молодца.
Старшій звался Тилингентомъ,
Потому, какъ былъ студентомъ,
Всѣ науки превзошелъ,
Всѣ планиды в небѣ счелъ,
И пописывалъ в газетѣ.
Обо всемъ, что есть на свѣтѣ.
Младшій братъ его Пахомъ
Былъ наемнымъ батракомъ,
Планки разныя фуганилъ,
Топоромъ кряжи болванилъ,
Дѣлалъ стулья и столы,
На станкѣ точилъ валы,
Дѣлалъ санки да коляски.
По хозяйской по указкѣ,
Рупь в недѣлю получалъ,
Скребъ затылокъ да молчалъ.
А пороку выходило,
Что и вовсе скверно было:
Не потрафишь «самоу»—
И готовъ себѣ суму.

Видитъ старшій, было то младшій
Духомъ оченно упавшій,
Шибко терпитъ отъ хозяина

И совѣм лишился прав:
 Без работы, голодает
 И совѣм, слышь, пропадает.
 Поразысливши с момент—
 «Братка!»—молвит Тилингент,—
 Не резон тебѣ, сердечный,
 Быть хозявам клячей вѣчной.
 Этот вот хозяйскій дом—
 Чѣм построен он трудом?
 Эти соли-антросоли—
 Чѣм взводили их мозоли?
 Этот чудо-пароход—
 Чей на нем кровавый пот?
 Твой! Твои стальные руки
 Возводили эти штуки!
 А какой тебѣ почет
 От хозяина идет?
 Ни корысти, ни почета,
 Ни по совѣсти разсчета.
 8 шкур с тебя дерут
 И отлыни не дают
 Плюнь, Пахом, на это дѣло!
 Вѣрь, Пахом, пора поиспѣла
 Этих самых всѣх хозяев,
 Что тебя лишили прав,
 На-земь сбросить поскорѣе
 С трудовой могучей шеи!»

Слушал рѣчи тѣ Пахом
 И ворчал за верстаком:
 «Так-то так оно, однако—
 Подучиться может всяко.
 Как бы худа не нажить!
 Надо малость отложить!»

II.

Вряд-ли будет тут удобно
 Пересказывать подробно,
 (И без нас то всякій знает)
 Как Пахомов старшій брат
 Потихоньку, из-под тишку
 Развивал свое братишку;
 О свободах толковал
 И марксизмъ обучал
 О прибавочной о платѣ,
 О буржуином синдикатѣ,
 Обучал его уму
 И полезному всему.
 Как за эту за науку
 Тилингент пошел на мучу,
 По пентонам вшей кормил,
 На Вильяма волком рыл,
 В Ахатиѣ был он рыпы
 И терпѣл другія худы.

Разсуждал, грозил, орал
 «Правду, братка!
 Не хочу того порядка,
 Чтобы только работать,
 И в награду голодать».
 Пораскинул он мозгами,
 Да поскреб двумя перстами
 Свой вздохмаченый чердак
 И рѣшил: «Да будет так!»

Лишь Пахом взялся за дѣло—
 Сразу к чорту полетѣла
 Свора жадная хозяев,
 Вверх тормашками упав.
 Стал он сразу без оглядки
 Наводить свои порядки:
 Все, что только не по нем—
 Бац с размаху топором;
 Чуть там что ему перчит—
 Моментально к чорту мечет;
 Все, чего лишь не поймет—
 Все в кусочки разобьет.
 Да по вѣтру поразвѣет,
 От натуги аж вспотѣет.

«Брат! Пойди один момент!»—
 Крикнул брату Тилингент,—
 «Чѣм добро напрасно рушить,
 Попытайся-ка послушать,
 Что я в книгах прочитал
 И на опытѣ узнал.
 От людей живых и умных
 Много нам дано разумных
 И святых заповѣдей
 Погоди-же! Эй! Не бей!
 Трахнешь—к чорту разлетится,
 А, посмотришь—пригодится!
 Подожди один момент!»—
 Так гуторил Тилингент.

«К чорту!»—слышен крик Пахома
 Из разрушеннаго дома—
 «Ишь, указчик-то какой!
 К чорту-дьяволу! Долой!
 Уходи, отколѣлся!
 Ты буржуям, брат, продался—
 Значит, пѣсни мнѣ не пой!
 К чорту-дьяволу! Долой!»

III.

Ах, недолго ждять развязки
 Этой жутко-странный сказки!
 Пусть и тот и этот брат

Непріязнь в душ

Это — недоразумѣ. М...

Это — плод лишь опьяненія

Молодым вином свобод...

Это — минет и пройдет.

Для свободной жизни нужно,

Чтобы оба брата дружно

Шли по кочкам, средь болот,

К солнцу, к счастью, все вперед!

АМУРЕЦ.

==□==

Канитель.

(По Чехову).

У конторки, над развернутой книгой
 «Скрижалей Исторіи» стоит Обозрѣватель
 современной жизни и держит шепоткой
 замусленный обгрызок карандаша. Усталый
 лоб его собрался в морщины, на носу игра
 ют пятна всѣх цвѣтов, начиная с розо
 ваго и кончая темно-синим.

На развернутых страницах «Скрижа
 лей» написано: на одной — «о здравіи»,
 на другой — «за упокой» и под обоими за
 главіями по ряду имен.

Около конторки стоит маленькая ста
 рушенка с озабоченным лицом и с продо
 вольственной книжкой в руках. Она за
 думалась.

— Дальше кого? — спрашивает Обозрѣ
 ватель, устало почесывая переносицу. —
 Скорѣе, убогая, думай, а то мнѣ некогда.
 Сейчас новый декрет переписывать стану.

— Сейчас, батюшка.. Ну, пиши.. О здра
 віи рабов божіих: Штыка и Реквизиціи со
 чады.. Пулемета.. опять Штыка, Блинд
 рованнаго Поѣзда, Гражданской Войны со
 чады..

— Постой, не шибко. Не за прапорщи
 ком гонишься погони срывать, успеешь..

— Написал Гражданскую Войну? Ну
 теперь Красную Гвардію, Разгром Зем
 ства, новопреставленнаго младенца Учреди
 лушку, Самоопредѣленіе.. Записал усоп
 шее Самоопредѣленіе?

— Постой.. Самоопредѣленіе умерло?

— Умерло.. вздыхает старуха.

— Так как же ты велишь о здравіи за
 писывать? — сердится Обозрѣватель, зачер
 кивая Самоопредѣленіе и перенося его на
 другую страницу.

— Вот тоже еще.. Ты говори толком,
 а не путай. Кого еще за упокой?

— За упокой? Сейчас.. Постой.. Ну, пи
 ши.. Коалицію, Свободу Печати, еще Сво
 боду Собраній, Всеобщее-равное-тайное, и
 Прямое тоже.. Запиши Безанексію.. Как
 поѣхала с Троцким в Брест-Литовск, так
 с той поры и не слышать..

— Стало быть, померла?

А кто же ее знает? Может, померла,
 а может и жива. Ты пиши.

— Куда же я ее запишу? Ежели, ска
 жем, померла, то за упокой, коли жива,
 то о здравіи.. Пойми, вот, вашего брата!

— Гм.. Ты, родименькій, ее на объ стра
 нички запиши, а там видно будет. Да ей
 все равно, как ее не записывай: непута
 ящая она, пропащая. Записал? Теперь за
 упокой Буржуазію со чады, Народное Про
 свѣщеніе, ну, и Интеллигенцію с Литера
 турой.. болящую Властьсовѣтію..

— Болящую то Властьсовѣтію за упо
 кой? Тю!

— Эта меня-то за упокой? Ошалѣл, что
 ли?

Тыфу! Ты, кочерыжка, меня запута
 ла. Не померла еще, так и говори, что не
 померла, а нечего в за-упокой лѣзть. Пу
 таешь тут! Изволь вот теперь Властьсовѣ
 тію херить и в другое мѣсто писать. Всю
 страницу изгадил! Ну, слушай, я тебѣ про
 чту. О здравіи Штыка и Реквизиціи со ча
 ды, Пулемета, паки Штыка, Гражданской
 Войны, новопреставленнаго Учред! По
 стой, как же сюда это Учредительное по
 пало? Новопреставленное, и вдруг о здра
 віи? Нѣтъ, запутала ты меня, убогая! Бог с
 тобой, совѣм запутала.

Обозрѣватель крутит головой, зачерки
 вает Учредительное и переносит в заупо
 койный отдѣл.

— Слушай! О здравіи Блиндированнаго
 Поѣзда, Красной Гвардіи, Разгрома Земства,
 Безанексіи.. Кого еще?

— Анархіе записал?

— Анархію? Гм! Анархію.. Разруху.. —
 пересматривает Обозрѣватель объ страни
 цы. — Помню, записывал ее, а теперь, шут
 ее знает.. никак не найдешь.. Вот она! За
 упокой записана.

— Анархію-то за упокой? — убивается
 старуха. — Году еще нѣтъ, как на ноги ста
 ла, а ты на нее уж смерть накликаешь!
 Сам вот, сердешный, путаешь, а на меня
 злобишься. Ты со тишаніем пиши, а коли
 будешь в сердцѣ саботаж имѣть, то Керен

ском на гадость. Это тебя все Соглашательство путает да смущает.

Постой, не мѣшай...

Обозрѣватель хмурится и, подумав, медленно зачеркивает на заупокойном листѣ Анархію. Карандаш на буквѣ «р» взвизгивает и ломается. Обозрѣватель конфузится и чешет переносицу.

— Анархію, стало-быть, долой отсюда, бормочет он смущенно, — а записать ее туда... Так? Постой.. Ежели ее туда, то будет о здравіи, ежели-же сюда, то за упокой. Совсѣм запутала баба. И эта еще без анексія встряла сюда... Шут ее принес.. Ничего не разберу. Надо сызнова.

Обозрѣватель переворачивает страницу.

— Выкинь Безанексію, коли так,— говорит старуха. Уж Бог с ней, выкинь.

Молчи!

Обозрѣватель зубом надкусывает караидаш и списывает всѣ имена на один листок.

— Я их всѣх гуртом запишу,— говорит он: а ты носи их к Мухину. Пускай он разберет, кто здѣсь живой, кто мертвый. Он теперь в автомобилѣ ѣздит, а я этих самых дѣлов.. хоть убей, ничего не понимаю.

Гусляр.

Причина и слѣдствіе.

Китай закрыл свою границу для вывоза всяких продуктов в Приморскую область.

«Вот так штука! Ну, дѣла! Почему-же хлѣбца нѣту?»

— Потому, что власть к совѣту Перешла!»

Удод.

Начало карьеры.

В № 4 (12) мѣстнаго ученическаго журнала «Единеніе» в «почтовом ящикѣ» помѣщен редакціонный отвѣтъ «Язвѣ», о том, что что-то, присланное «Язвой» — «не подошло». Мы не знаем, кто в данном случаѣ скрывается под псевдонимом «Язва», но, тѣм не менѣе, пророчим начинающему писателю успѣх и славу. Ибо надо имѣть большой талант, чтобы начать литературную карьеру так блестяще: с кражи чужого литературнаго псевдонима!

Пѣснь о Кульдурском ключѣ.

IV. Чудеса ан-масс.

Легко-ли дѣло: чудо к чуду
По единицам подбирать!
Нѣтъ! Мы хотим сегодня дать
Чудес великих сразу груду.
Мы—не скупы. В единый взмах
Все выложим, что раздобудем.
Нѣтъ, на Кульдурских чудесах
Мы спекулировать не будем!

Систематическій подсчет
Ни капли не дает сомнѣній,
Что был по части исцѣлений
Весьма богат минувшій год.
Хоть неказист и непригляден
Тот ключ—отколь не посмотри,—
Хоть он походит на Висбаден
Как Сюткин на мамзель Гри-Гри,
Хоть он не значится на картѣ
И на коробках мыл и паст,
Но то, что было в прошлом мартѣ,
Ему безсмертіе создаст.
То знает свѣтъ, то видят боги,
Что, вспрыснуты его водой,
Не только вырастали ноги,
Но и мозги росли порой!
Когда торчком слетѣла с трона
Семья Романовых, и был
Нарушен ход ночных свѣтил
Распутинскаго небосклона,—
Когда в объѣты всѣх свобод
Усталый кинулся народ;
Когда о каждом человѣкѣ
Мы стали громко толковать
Как об эсэртъ или эсдэкѣ,

А на
Тогда! Это х
Безотлагательно несем
Успѣвши кѣ
Направить в плоту. Мы тоже
Как слѣзаться оути совсѣм п
Из полицейскаго—эсэром,
Чтоб, значит, таким манером
Имѣть под пяткой твердый грунт?
И вот толпой и в одиночку,
Подскоком, вприпрыжку и вприскочку,
Пошли они на оный ключ.
Луна в ту ночь не свѣтила,
Она в туманѣ и в полог туч
Укрылась: стыдно бѣдной было!
А на ключѣ содом стоял,
Великое столпотворенье:
Там выросли «убѣжденья»,
Лѣвыя которых с дней творенія
Мир изумленный не видал.
Кто был доселѣ безразличным,
Ко всѣм «движеньям» апатичным,
Тот дѣлался весьма приличным
«Эсэром» или «меньшевиком».
Кто «зубы» грѣшных кулаком
Дробил на всякіе манеры
И «ѣл жидов» превыше мѣры—
В «большевики» или «эсэры».
«Вступал» без всяких лишнних слов
Кто за подлоги был в острогѣ,
Кто был в острогѣ за поджоги—
Хлебнет водицы и—готов—
И рысью с мѣста—в демагоги!

Кульдурскій лѣшій был смущен.
Кульдурскій лѣшій простоватый
Был и смущен и возмущен.
И говорил наивно он
Своей супружницѣ мохнатой:
—«Вишь, баба! Это как же так?
Ну, фрукты, комары заѣшь их!»

Кульдурскій лѣшій был дурак,
Один из самых глупых лѣших.

Гусляр.

Цвѣты и пятки.

«Буржуазія встрѣчает нѣмецкія войска цвѣтами»...
(Из телеграмм).

Не пушкой, ни кольцом рогаток—
Встрѣчают нонече врагов,
Одни—букетами цвѣтов,
Другіе-же—сверканьем пяток.

Чижик.

Поварь знаменитых временников.

Земцы.

Безсмертный В. Н. Отнюдь не Кашей, а даже наоборот. Хочет под сурдинку пробраться в большевики, но брюшко не пускает. Любит метеорологію, строго слѣдит за направлением вѣтров и состояніем барометра, так что нѣкоторые люди по Безсмертному предсказывают погоду. Вчера вечером, в 7 час. 19 мин. был чѣм-то вродѣ лѣваго эсэра. Через полчаса стал народным социалистом. Какъ партия в данную минуту—неизвѣстно.

Бѣликов. М. М. Гласный. Бѣ Богу, гласный! И очень умный. И очень дѣльный. Только рот у него зашит. Кто-то подкрадывается ночью и зашил. Граждане! Нѣтъ ли у кого перочиннаго ножичка?!

Евдокименко Г. М. Пройдя суровый кус народнаго учительства, вымоченный в сокѣ собственных нервов, приобрѣлъ великолѣпный иммунитет против всякой партійной заразы. Голову держит прямо, и если окопается на какой-нибудь позиціи, то его сам Шишлов не вышибет, сам Родіонов не своротит, сам Кащенко не уморит. За что и хвалим.

Ножкин С. Ф. Ловко дѣлает «подножки» продовольственному комитету. Прежде, чѣм апплодировать оратору, шопотом спросит у сосѣда: «А что, ладно говорит? На нашу руку?» И получив утвердительный отвѣтъ, снисходительно бросает: «Ну, тогда и я ударю раза два». И ударяет так, что вентилятор с испугу кружиться начинает.

Кривоборскій В. Я. Секретарь. Душка. Пасынков С. Д. Робеспьер Вознесенской волости. Говорит мало, но каждое слово—пуд вѣсом, так что сидящіе впереди его гласные-республиканцы поеживаются да покрываются.

Рыслев А. И. Сизиф земскаго дѣла. Через силу вкатит камень на гору—глядь, большевик плевком сшибет, и снова А. И. за работу принимается. Под конец разсердился «Ну,—говорит,—вас к лѣшему, Мухины вас ѣшь, бросаю все и иду в Суражевку капусту садить!». — А. И. И меня возьми!

Сторожев А. В. Неприступный энтузиаст

Никакое наводнение не в состоянии задеть внутреннего огня, горящего в А. В. Да будет так и впредь.

Шишлов И. Н. Умученный от власти. Два месяца как медведь в берлогу отбивается от нападающих справа и слева лаза и улюлюкающих стрелков. Кажется, тоже скоро будет капусту садить.

Гражданин Улейкин

Как тяжело! Сомнительно мозг падит!—
Что ждет ее, что ждет Россию мать:
Ужель ее все будут презирать?
Ужель стыд детьми ее забыть?

Ужели граждан божье в ней нет
Таких, как Минин или Пожарской,
Чтоб повести поток ее людской
На путь спасения от грядущих бед?—
Нет, есть они, но их народ забыл...
Народ, что раньше шел за ними в бой
За край родной, за край любимый свой,
Народ, что раньше их опорой был.

Теперь на их призыв уж не идет...
Плетей над ним, оков на нем уж нет,
Но рабство все-ж оставило свой след.
Он и теперь не гражданин—плот...
Народ родной, смой рабскую печать
И отвернись от прошлого руин,
Чтоб больше прахом их не запятнать
Свое святое имя—«гражданин!»
Сибиряк-пролетарий.

Добро народа.

«Мы желаем добра народу». (Фраза).

Разбив цейхгаузы вчера
И два казенных склада,—
Пошли домой они. Ура!
Опрочь «народного добра»
Нам ничего не надо!

Зяблин.

Я увидел:

Внизу, под скалой, сидел Мафа со связанными назад руками; его горло опутывала веревка, привязанная к стволу молодой лиственницы. Против него полулежал на траве трое. Одного я сразу узнал: это был «Пан». Поодаль курился костер, а над костром висел старый, закопченный котелок.

«Пан» и его товарищи были вооружены винтовками. Они курили и что-то говорили между собою. До нашей засады не долетали слова—было слишком далеко.

Не было сомнений, что Мафа подвергался большой опасности. Похоже было, что его или пытали, или собирались пытать.

Послушный приказанию Нянта, я молча спустил ружье. А было так страшно близко до убийства. Я был сильно возбужден, и проснулся во мне какой-то дикий инстинкт—жажда боя.

Да, последние следы культуры постепенно сползали с меня за долготнее скитание по лесу, сползали, как старая чешуя со змеи.

— Слушай,—зашептала Нянта и на своем ломаном языке предложила такой план:

Надо дожидаться сумерек. В сумерках, при свете костра нам будут видны фигуры разбойников, а они нас не будут видеть. И мы нападем. Мы не выходя из засады, поразим двоих—оставшийся убьют, а если не убьют... Нянта красноречиво сжала рукой приклад ружья.

Подробно обсудили этот план. Он был хорош—насколько может быть хорош план убийства человека, даже двух, даже трех. Мы рассуждали свободно, как будто дело шло об охоте на зверя. Ах, да раз в лесу сантиментальничают!

— Будем кушать,—сказала Нянта, и мы стали «кушать». Спокойно и неторопливо насыщались мы, словно нам и не предстояло через какой-нибудь час страшное дело. Не забуду я этого таежного ужаса!

Мы ели сушеное мясо и грызли сухари

Да! Это х-
осторожно и
уфкь.
на плоту. Мы тож
почти сове-

Идет все дальше «углубление»....
И вот, теперь уже со дня
Фигура страшная видна—
Тень рокового привиденья....

пускали глаз с маленького поляны. Там было тихо. Если бы не фигура Мафы, связанного, не могущего пошевелиться без того, чтобы горло его не сдавила петля,—можно было бы подумать, что там, внизу, остановилась на отдых маленькая группа звероловов, и мирно варит ужим и перебрасывается мирными, житейскими фразами.

И я подумал: если бы кто увидел нас с Нянтю—он тоже бы принял нас за совершенно мирную пару—супружескую пару лесных жителей, отдыхающих после трудного перехода на скалы перед тем, как отправиться в дальнейший путь, к своему очагу.

Скверно grimасничает порою жизнь...

И время шло медленно, медленно. Но опускалось солнце. Уже касалось оно своим диском вершин дальних лиственниц. Вечер надвигался.

Там, внизу, вдруг что-то произошло. Послышался густой хриплый ходот. Он донесся до нас тихо, только намеком, но мы его разлывали.

«Пан» встал и подошел к костру, и взял большую головню и замазал ею по воздуху. От неа сыпались искры и шел дым.

И «Пан» подошел с головней в рукѣ к дереву, под которым сидѣл Мафа. Один из лежащих лѣнливо подполз к старику и, блеснув ножом, разрѣзал ремни его обуви и далеко отбросил снятый ичег. А «Пан» медленно полнес горящую головню к обнаженной ногѣ старика. Я не слышал, как вскрикнул Мафа. Меня оглушил выстрѣл. Ружье в руках Нянты выбросило облако дыма и «Пан» упал, ткнувшись головой в траву. Головня покатила по травѣ, разбрасывая искры.

Тогда и я быстро нажал собачку курка.

Тот, что снял обувь с Мафы, вскочил, подпрыгнул и упал.

Третий полуприподнялся с земли и озирался во все стороны. Облако дыма выдало нас. Но разбойник не стал стрѣлять. Он вскочил и бросился бѣжать.

Нянта огромными прыжками спускалась со скалы. Это было неосторожно. Это было безумно. Там могли быть другіе люди, а у ней в ружье не было смести...

Я наскоро зарядил ружье. На это ушло порядочно времени.

Этот же гроз. Он стоял... милое ружье. Я опередил... и прицѣлился. Когда грянуло, лѣвая рука «Пана» безсильно повисла и ружье его упало в траву. «Пан» вскочил и могучим прыжком скрылся в кустах.

Я снова зарядил ружье. Я ни на мгновение не упустил из виду фигуру бѣгущей Нянты. Руки мои были тверды и сердце билось только от тревоги за нее.

Вот она около старика. Блеск ножа—веревка перерѣзана. И слѣдом перерѣза на другая веревка, и старик безсильно валится на землю.

Убит!—мелькает в умѣ. Опоздали!

На ходу спуская дуло в дуло, я бѣгу к нему. Нянта стоит перед ним на коленях, приложившись ухом к его груди.

— Жив?!—спрашиваю я ее, и у меня срывается голос...

Нянта медленно подымает голову и улыбается. Жив!

— Вода!—кричит она.

Я бѣгу к рѣкѣ и приношу воду в шляпу. Я лью ее на лицо старика и он открывает глаза, и безсмысленно смотрит в небо. Но вот взор его проясняется, и он узнает Нянту, и улыбается, и силится что-то сказать.

На его правом боку одежда окровавлена. Он ранен.

— Кузима!—шепчет старик.

Я наклоняюсь к нему. Добрая улыбка на его лицѣ.

— Палом, палом,—лепечет он.

Я не понимаю.

— Там! Вода!—показывает он движением головы на рѣку.—Палом.

Я не понимаю, но бѣгу снова к рѣкѣ. Я зачерпываю шляпой воды, и вдруг замѣчаю в кустах плот. Небольшой плот, бревен в 5—6.

«Ага, вот паром!»—догадываюсь я.

Мафа говорит о паромѣ.

Я бѣгу назад и говорю:

— Есть паром! Есть паром!

Мафа кивает головой и лепечет что-то. Можно почать только «паром».

Нянта объясняет мнѣ, что надо перенести старика на паром и плыть домой. Как можно скорѣе.

— Да! Это х...

Мы осторожно несем его к рѣкѣ.

Вот он на плоту. Мы тоже входим на него. Плот почти совсѣм погружается в воду. Но это—пустяки. Нянта обрѣзает канат из тальника, и рѣка подхватывает наше утлое судно и мчит вперед. Ежеминутно скрежещет под плотом галька—рѣка мелкая, но мы быстро несемся вперед, к своему стану.

— Бух!—гремит с боку выстрѣл и фонтан брызг обдаёт нас.

Нянта вскрикивает.

— Нянта!—бросаюсь я к ней, и плот наклоняется, и я соскакиваю в воду.

Нянта смѣется, но в то же время подымает ружье и цѣлит во что-то.

Надвигаются сумерки. Я смотрю по направлению ея ружья, и никого не вижу.

Нянта опускает ружье.

— Ушел!—говорит она.

Плот летит вперед, и скрежещет, шуршит под ним галька. Брызги то и дѣло обдают нас. Мафа изрѣдка стонет. Нянта наклоняется к нему и он ласково гладит ея голову.

(Продолженіе слѣдует.)

К. Рѣзничено.

==X==

Разговор двух общественных дѣятелей.

— Послушайте! Вы меня травите, называете провокатором! Что же мнѣ остается дѣлать? Только застрѣлиться, либо удавиться!

— Один из ваших так и сдѣлал.

— Неужели?! Кто?

— Да Иуда-то Искаріотскій.

Подслушал Гриф.

Нина Степановна.

(Разсказ).

Это было там, гдѣ «иногородцы» пасут телят, а правительство «нашего обожаемаго монарха» пасло своих непокорных «вѣрнопопданных» граждан.

В этом «краю для строптивых», в одном из его городов (если можно так назвать это большое село), жила Нина Степановна Зыбина, зубной врач. Невысокая, с некрасивым, но милым, симпатичным лицом, она производила пріятное впечатлѣніе. Но только не на меня. О, нѣтъ!

До лица ея мнѣ не было совершенно никакого дѣла, но то, что она зубной врач—меня трогало и трогало очень.

Я, вообще, не люблю лиц, кои по своей профессіи «дѣлают больно». А ее я прямо-таки не переносил.

Еще-бы! У меня во рту всего то только зубов двадцать наберется, а вздумаешь привести их в порядок, окажется, что десять надо дѣлать, а остальные удалить. Примите еще во вниманіе, что Нина Степановна—единственный врач в городѣ—и вы поймете мою ненависть. Да добавьте еще, что зубы мои по цѣлым недѣлям вѣжливо, но внушительно, дают мнѣ понять, что знакомиться с врачом они не отказываются. Я, пожалуй, со своей стороны также ничего не имѣю, но... вы думаете—я трусил? Нѣтъ, нѣтъ, Боже упаси! У меня просто... смѣлости не хватало!

И вот, в один прекрасный день, когда я «вел разговор» с моими зубами, и особенно громко протестовал, против попытки их и моего товарища заставить меня итти познакомиться с их другом, врачом, я был выведен не только за дверь, но и за ворота. Получил в руки шубу, шапку и напутствіе:

— Знаешь, куда итти? И иди. На шубѣ пусть тебя приволокут, но без зуба. Не то—сам повыбью! Ясно?

— Конечно, ясно. Да иду уж!

— Или, дурень, вѣдь добром—сбавил тон товарищ—прошу тебя! Не бойся!

И я пошел.

Ах, какая скверная вещь икота. Ай-яй, какая неудобная! А она так жалостливо одождла меня, пока я ждал своей очереди.

— Пожалуйста!

— Иа... адрав-ик-ствуйте!

Но только что я сѣл в кресло и посмотрѣл на всѣ многочисленные инструменты, как не только икота, но и дар слова пропал; и на просьбу указать больной зуб, я промычал что-то неопредѣленное.

Но язык мой приходит в себя раньше головы моей и мелет:

Знаете-ли... Вот что... Собственно говоря...

Голова моя просвѣтляется, воля овладѣвает языком, и рот мой, как бы конфузясь за своего постояльца, тихо выплевывает:

— Позвольте мнѣ уйти. У меня...

— Струсили? перебивает врач.

— Да, то-есть, нѣтъ. У меня уже зуб не болит, а я пришел потому, что, так как...

— К зубным врачам ходят не «потому что, так как», а потому, что зубы болят. Открывайте рот и не разговаривайте!

Я подчиняюсь и раскрываю рот.

— Вот этот болѣ-э-д?—стучит зеркальце по зубу.

— Вот именно!—радуюсь я.—Болѣл раньше, давно.

— Надо удалить,—продолжает врач.—А зубы у вас никуда. Вот в этот надо пломбу, этот удалить, этот... и пошли гулять во рту щипчики, зеркало, крючки.

— Начнем, значит?

— Начнем... Только пломбочки раньше, прошу я

— Пломбочки послѣ. Удалим сначала больной зуб. Но, вы, я вижу, трус, так я вам без боли.

— Именно, именно,—пробормотал я.

— Вот сейчас я вам впрысну... кокаину... Не замѣтите даже, как зубом меньше будет...

— Каким?—недоумѣнно спрашиваю я.

— Каким? Больным, конечно. Откройте ка рот. Не мотайте головой—иглоку слоमित!—кричит она, когда я от легкаго укола в десну отклоняю голову.

То, что называлось кокаином—впрыснуто Полновластным хозяином в моем рту дѣлается маленькой скальпель.

— Ой-ой! Больно!—кричу я, когда ножичек подрѣзает десну.

— Ясное дѣло,—не смущается врач,—на такого труса и кокаин не дѣйствует!

Спокойная грозная на приготовленные щипцы рука, и... на лбу моем выступают капли пота, рука стремится растегнуть воротник, но безсильно падает. Нашатырный спирт и валерьянка приводят меня в порядок, и через нѣсколько секунд я уже дергаю голову вправо, влево, вверх и вниз.

— Ой! О-о-ой! Н-и-да!—смѣшивается с сердитыми окриками врача

А проклятые щипцы, как клешни рака, крѣпко обхватывают зуб, и уже не одна, а двѣ руки, и только вниз, тянут щипцами зуб.

Мгновенье, и в руках торжествующаго врача зуб замѣчательной бѣлизны. Но я гоню прочь мелькнувшее подозрѣніе.

— Не болѣдо, нѣдь?—улыбается врач.

— Немного, помного,—не сдаюсь я.

— Нѣтъ, вы трус,—категорически заявляет она, и я мысленно соглашаюсь. Еще-бы! Радости—вагон: от больного зуба избавился!

— А злиться без причины, как до сих пор, на меня не будете? Убѣгать, когда я к Ильѣ захожу, тоже не станете?

— Нѣтъ,—мотаю головой.

— Ну, полощите рот и можете идти. Завтра начнем пломбировать.

Бѣгу домой. Быстро сбрасываю шубу—и в кровать. Тихо ходит по комнатѣ товарищ, и долго не рѣшается заговорить со мной, но сквозь пальцы я вижу его ехидную улыбку.

Наконец, слышу: Монька, Моня, Моничка! А, шут, ты еще разговаривать не хочешь. Живо за ноги стану!

— Чев-о-а?—быстро подбираю ноги.

— Зуб вырвал?

Нѣ!

— Как нѣтъ?

— Она вырвала!

— Ну, все равно. А тронь-ка языком.

— Зачѣм?

— Ну, тронь, тронь.

— Не хочу—противно!

— Ну, дай я погляжу.

— На!

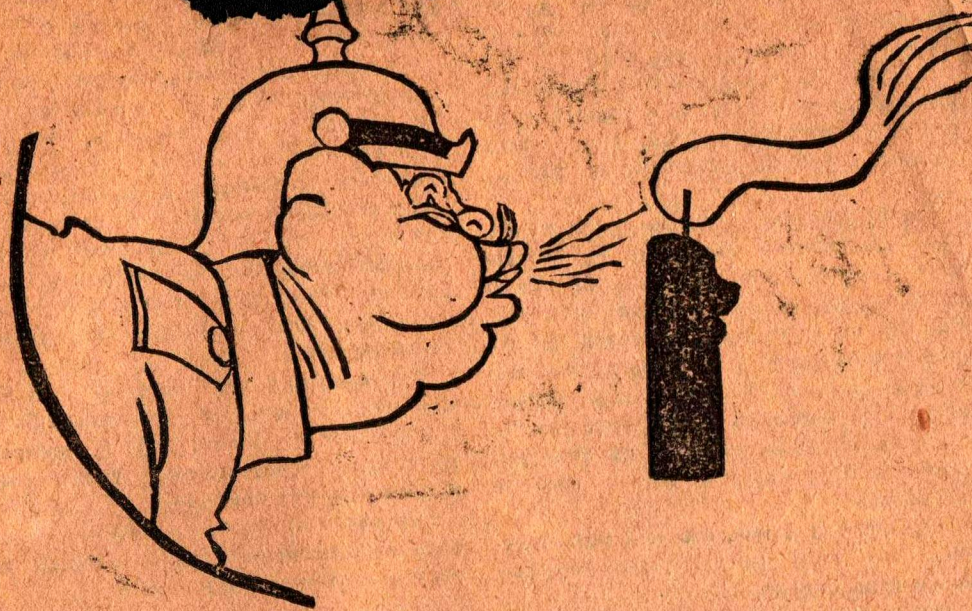
— Ха-ха-ха!—заливается товарищ.

— Чего ты?

— Хо-хо-хо! Я так и знал!

— Да, чего ты знал?

— А то, что зуб-то здоровый выде-

ГРАЖДАНЕ! СВѢТИЛЬНИК В ОПАСНОСТИ!

дѣл! Это у нея такая рука невѣрная!

— Почему же ты послал меня? Говорил, хороший врач, славная, отзывчивая. Заливал, значит?!

— Ничуть. Славная она, это ты сам увидишь, отзывчивая—тоже. А то, что зуб здоровые вмѣсто больных вырывает, ничего не подѣлаешь: близорукая! У меня в разное время два здоровых вырвала, а у Л сразу два. И ничего не взяла даже за леченіе. Только вот больно, когда дергает, но что-же дѣлать, когда кокаину нѣтъ, а выписать—так через год придут одиѣ опилки с разбитым стеклом.

— А мнѣ она кокаин прыскала,—похвалился я.

— Да, «прыскала», да только на пол, а тебѣ только десну колола. Ну, не журись,—успокаивал меня товарищ—будет пломбировать зубы—никогда потом болѣть не будут: непы удаляет начисто. Правда, больно, когда нерв огодит и иголкой-то, но потом прекрасно.

— Как? Раньше надо, кажется, убить нерв, а потом иголкой?

— Убить! А чѣм? Из ружья, что-ли, палить будешь, если никаких лекарств нѣтъ!

— Ну, брат, больше я к ней ни ногой!

— Я тоже так говорил, когда двух здоровых зубов во рту не стало. Сейчас ни ногой, а потом всей душой. Что-бы мы без нея здѣсь дѣлали? Все она выручает. Да, вот сам узнаешь. Сам поймешь, как такого человѣка цѣнить надо.

Время шло. Мѣсяц за мѣсяцем—глядишь, года, как и не бывало. И опять наступила долгая, холодная зима, а вмѣстѣ и голод для многих невольников. Вот тут-то я и узнал нашу славную, отзывчивую Нину Степановну.

Для нея наступила пора хлопот. Хорошо, если-бы, зная, что человѣкъ нуждается, пришла и сказала: Нуждаетесь, я одолжу вам—я дѣлу конец. Но, вѣдь вы—не

вольник, притворитесь, что очень удивлены: С чего взяли? Живу вдоволь, не нуждаюсь,—а сам, надо полагать, давно не ел и забыл, каков на вкус хлеб.

И вот Н. С. через многочисленных своих агентов узнавала, «кто живет вдоволь» и выручала, а потом, когда лѣтом являлась работа,—узнавали и платили долг.

Дошла очередь и до меня с товарищем. Голодали изрядно. Квартирку не отапливали—берегли дрова. Каждый на своей постели, закутавшись, лежал — думал. Сил уж не было терпеть холод. Молча вышел я на двор, занес дров—печь жѣлезную затопил. Веселѣе стало. Согрѣлись. Но хотѣлось еще тепла—вышел за остатком дров, а через два-три дня свалился, да с мѣста в карьер—впал в бѣспмятство.

Был мрак и туман, а в нем мнѣ чудились злые, страшные люди, хватавшие меня со всѣх сторон.

Потом мрак медленно исчезал, расплывались пугавшие меня призраки и превращались в далекое свѣтлое пятно. Затѣм пятно это растаяло и из него вышел ласковый старик, приблизился, погладил по головѣ и исчез, но ощущение осталось. Я открыл глаза. Надо мной, нагнувшись, стояла Нина Степановна, ласково глядя в глаза и глядя рукой по головѣ, говорила:

— А, упрямец, вернулся к нам.

Улыбнулся и закрыл глаза—как-то легко и радостно было. Да, теперь и для меня Нина Степановна—милая, отзывчивый человек, а не ненавидимый зубной врач.

Июль 1914 года. Война объявлена. Всколыхнулось и наше мертвое болото.

— Бду сестрой милосердія!—объявила как-то нам Н. С.

— Да что вы?—изумились мы. — Здѣсь вы чувствуете себя усталой, а там, в ужасѣ этом?

— Ничего, я уж снова ожила. И там я пригожусь, да еще как!

Через год, приблизительно, получили открытку. Работает на Н-ском фронтѣ. Шутит: «Убьют—пишите некролог, сразу двѣ». Была ранена. Приветствует друзей. Больше мы ничего не получали.

Наступил 1917 год. По слухам, дохо-

Б. Е. С.

как рабочи... авали о забастовках рабочих в Петроградѣ, об убійствѣ Распутина. Что-то далеко от нас творилось, что-то назрѣвало... Впервые, за всю долгую зиму, 2-го марта, показалось солнце: радовались ему, как дѣти, не зная еще, что это солнце грѣет не «государственных» поселенцев, а свободных граждан свободной родины. А вечером из рук в руки переходила бумажка: «В Петроградѣ революція. Шлиссельбург взят рабочими. Николай в Ставкѣ. Государыня отрывается нашими. Близок час вашего освобожденія».

3-го печатался уже «Вѣстник К-та Б.», а в нем отречение, подробности событій, и сообщеніе из Ирка: «Из А. центра прокурором освобождены политическіе. Организуем вам помощь».

Свѣтлая мечта сбылась, и в маѣ началось переселеніе невольных гостей далекаго холоднаго края.

Судьба забросила меня в Б. Революція все еще продолжается и конца ей не видно. Нѣкоторые из обывателей, в началѣ революціи спѣшившіе записаться в партію, успѣли уже, как представители этих партій, устроиться на теплых мѣстах, а не успѣвшіе переходят во вновь нарождающіяся или воскресающія партіи, смотря по тому, какая сильнѣе. Долго еще будет гулять власть из партіи в партію, долго еще свободные граждане, стремясь к выгодам, к благополучію, будут мѣнять свои «убѣжденія».

Тускло горит лампа. Нехотя с перерывами шумит самовар. Просматриваю журнал. Вот небольшой снимок. На двух столах что-то лежит. Всмотриваюсь. Видны ноги, но вмѣсто туловища какая-то безформенная масса.

Начинаю читать поясненіе и... вскакиваю, закудриваю, быстро бѣгаю по комнатам. Снова беру журнал и читаю: «Растерзанные толпой: прапорщик К., не желавший снѣть погон и заступившись за него, недавно выписанный из Н-лаззета, лѣжал раненая, сестра милосердія Нина Зыбина».

О! Так эта безформенная масса из крови, переломанных костей и тѣла—та самая Нина Степановна? Тот самый человек? Добра из далекаго края?

Дважды не взяла... так своя русская рука доканала!

Безсильно падает на колѣни рука, к горлу подкатывает комок и я тщетно стараюсь проглотить его...

С. Рин.

Путем-дорогою.

III.

Как поздно начался день и как рано наступил вечер! Жара невыносимая, но как ярка зелень, как сиѣжки пѣты!

И вокруг нѣтъ другой жизни, людей совсем не видать.

По деревнѣ, вмѣсто улиц, тропинки; по дворам зелень, растут дубы и черныя березы. В воздухѣ с рѣзким криком проносятся кроншнепы и опять все замирает.

Прошла еще одна душная ночь, а на утро плакало небо, прикрыв свое сіяющее лицо, плакало, изливая горячія слезы на забытую землю, видя в этом уголкѣ сѣрую безпросвѣтную жизнь, жизнь тоски и горя. Двѣ мокрыя клячи, запряженные в крестьянскую телѣгу, покорно стояли, повѣсив свои головы на поводѣ, крестьянин суеился возлѣ телѣги, подправляя сѣно и укладывая сумочку с провизіей и все безпокойно поглядывал в сторону маленькаго домика. Через минут пять, со двора вышел мужчина в солдатской шинели, три женщины и двое маленьких дѣтей. Дѣти рѣзво бѣжали вперед, взрослые шли тихим расхатанным шагом, понуриив головы. Подойдя к телѣгѣ, женщины стали прощаться, по лицу их бѣжали слезы и часто вырывались подавленные рыданія. Старая мать подняла на руки маленькаго ребенка и поднесла его к солдату.

— Попрошайся со своим тяткой и за помни, быть может, навсегда.

Солдат взял ребенка, поцѣловал его и передал на руки молодой женщинѣ — же нѣ и всѣ залились слезами. Люди плакали, и плакала небо, глядя на эту жизнь, на это горе, горе родителей, горе покинутых.

— Гляди же, вернись, непременно, на казывали жена и мать.

— А как придется,—говорит он, смахивая набѣжавшія слезы рукавом, и упавшій голос говорил о безнадежности. При

детей ли еще видѣть ему эти поля, на которых так много потратил он сил. Придет ли видѣть дорожки и милых сердцу утѣнить старуху-мать, жену и будет ли когда то время, когда он переимѣнит отца на поля? Совѣм стар он стал, подбил свой сѣны и теперь бы отдохнуть только, да за порядками присмотрѣть, ан-нѣтъ, приходится за всѣм слѣдить и на поле тянуть сѣя.

— Ну, прощайте.

Мы сняли шапки и махнули ими в воздух и кони тронулись.

Вперед бѣгут двое жеребят, откуда то выбѣжала лайка и бросилась за ними.

— А вона, поля какія у нас,—желая отогнать свою тоску, произносит ямщик—отец солдата.

Я понимаю его.

— Да, красоты сколько! Жить только да пѣсни пѣть,—говорю я.

— Да, видите, как поем,—и слезы за блѣстѣли у него на глазах — Но! но!—крикнул он на лошадей, помахиывая кнутом;— вот дожди одолѣли,—продолжает ямщик.—В этом году, слава Богу, сѣна на косили, в другой год этаго не бывает, как то уборка пройдет. Хлѣб-то уродился средній. Да дожди нас замаяли. И откуда они льются? Словно на небѣ дыра какая образовалась. Тяжелое время настало, раньше оно как будто не так было; свѣтлых дней так и не помнишь, бывают они, но ты их как будто не помнишь.

— Ох, уж эти мосты!—Ну как теперь?

— На аэропланѣ теперь,—замѣчает солдат.

Мы соскакиваем и бѣжим на мост.

— Сколько их?

— Еще 22 без этаго. И работы то возлѣ них сущій пустякъ,—замѣчает ямщик,—подсыпать бы немножко, завалины нужны.

— Вѣрно, вѣрно. Совѣм немного надо.

Мы кое-как перебрались мостом, усаживаясь на подмоченное сѣно и ѣдем дальше. Дождь усиливается: мочит и без того грязную дорогу, мочит нас и мочит мои бумажки, укрывать нѣтъ возможности и нам охота немного пошутить над собой. Тоска проходит, — уже кончаются поля и начинается лѣс.

IV.

— Привѣт тебѣ, лѣс!

Я совѣм забыл, что весь вымок, и

был, что час тому назад у меня на душе была такая тяжесть. Я всматриваюсь каждую лѣсину и хочу навсегда запомнить мѣсто, гдѣ она растет и много ли их здѣсь и чьи они, и как называются.

Сейчас за логом начинается рѣдколѣсье из лиственниц. Не боясь сырости, расположились онѣ по тундровой полянѣ; не страшны им камни. Взгляни туда, на вершину горы, она—стройная, с нѣжными кудрями, словно юная красавица, не зная житейской печали и скуки, протянула навстрѣчу сѣрому небу свои зеленныя вѣтви. Она здѣсь царствует.

Но вот пошли: дуб, липа, клен, благородный бархат, грецкій орѣх, безподобная поросль ягодныхъ растений, стройныя кедры и гордые ели и пихты.

— Давно я прощался с вами, мои товарищи, давно! Но свѣжи еще воспоминанія о вашемъ шумѣ могучемъ в ночь пред бурей, живы и не умрутъ они никогда в памяти моей, и ты свято хранишь тайны, что шопотомъ передалъ я тебѣ, когда жил с тобою и никому ты ихъ не скажешь. Люблю тебя, лѣс, безумно, всей душой. Нѣтъ вѣрнѣе друга! Вот они, эти липы, эти дубы! Нѣтъ! я не могу дальше ѣхать. Остановись, ямщик! Дай мнѣ наглядѣться на ихъ стройныя кроны. Лѣс! вся душа моя привязана къ тебѣ. Нѣтъ никого в мірѣ ближе и милѣе, мой лѣс! Только тебѣ, одному тебѣ повѣряю мои думы, мои радости. Остановись, ямщик!

Но бѣгутъ кони рысцою по-прежнему, по прежнему нас мочитъ дождь, ямщик не слышитъ. О чемъ онъ задумался? Ахъ, онъ сына везетъ из дому. Но почему онъ меня не слышитъ? Потому, что я такъ только мыслю. Заворожилъ меня лѣс и я не произношу ни единого слова.

— А далеко еще?

— Далеко,—говоритъ ямщик, и я по прежнему не скрываю своей радости. Тамъ была степь. здѣсь—лѣс и лѣс, и нѣтъ конца этому лѣсу. Дорога все время спускается подъ гору и что ниже, то лѣсъ все гуще. И тутъ же чаша непролазная. С шапки падаютъ крупныя капли, от тѣла идетъ испарина, безостановочно, какъ маятники, отмахиваемся мы отъ усиленно падающихъ на насъ комаровъ и мошек, а они тучами падаютъ на мокрое лицо, а лицо такъ и горитъ.

БЕЗЪ...
...на мои слова
...Теперь мы по
крутому откосу поднимаемся в гору. Шумятъ горныя ручейки, къ землѣ прилегла трава, затуманились горы. Но вот какое то подобие построекъ и из одной вылетаетъ сизоватый дымокъ.

— Здѣсь мы немножко отдохнем,—говоритъ ямщик, приворачивая лошадей.

— Слава Богу, а то совсѣмъ раскисли.

И подложивъ лошадямъ немного сѣна, мы вошли в зимовье. Насъ радушно привѣтствовалъ типичный бѣлорусс-старик. В рукахъ у него лапотъ недодѣланный. Старуха уже суетится с чайникомъ и раздуваетъ желѣзную печь. В углу за лукошком, с зелеными ягодами, сидитъ лѣтъ семи-девяти славный, с голубыми глазенками, мальчуган, внукъ стариков. Сейчас же на столѣ появились свѣжіе огурцы, бутылка с молокомъ и хлѣбъ. Скоро вскипѣлъ и чайникъ. Привѣтливости стариковъ не было конца. Пошептавшись с моимъ возницей, они с мѣкоторымъ любопытствомъ оглядѣли меня и говорили:

— Дай же те Богъ лучшее, хуже бы не было, натерпѣлись-то мы горюшка.

И старик-бѣлорусъ началъ мнѣ рассказывать о томъ, что вынесъ онъ на себѣ; всю тяжесть горя бѣлорусскаго.

Солдатъ усердно пилъ чай, кое-когда перекидываясь словами со старухой о ея сынѣ Михайлѣ, который уже третій годъ на войнѣ и рѣдко пишетъ.

Дождь какъ будто пересталъ и мы стали собираться в путь. Гостепріимный старикъ желалъ намъ счастливаго пути, вышелъ насъ провожать и рассказалъ намъ на спѣхъ одну исторію, которая его смѣшила: Вчера старуха его вышла в огорода за огурцами, ей показалось, что туда забралась свинья либо кто другой. Она взяла полѣно и пошла выгонять, ей навстрѣчу медвѣдь, ну, она испугалась. Какъ трусливыя женщины!

— Прощай, старик! Спасибо твоей старухѣ, а отъ медвѣдя все таки пусть она подалѣе. Мы поблагодарили и поѣхали.

Но что такое с небомъ сегодня! Несомнѣнно, гдѣ то дыра образовалась. А гдѣ его теперь заплачешь, дорогого все!

И. Т. Рѣшетневъ.

==□==

Праздныя развлеченія.

Когда кто-нибудь кричитъ караулъ, то ужъ, такъ и знайте, что это что-нибудь да значитъ: или кто кого «провождаетъ», или такъ кто-нибудь, захотѣвъ испытать силу своего голоса, с пьяныхъ глазъ гаркнулъ. Зря никто кричать не будетъ. В доброе старое время (не будь оно тѣмъ памянута), когда слышалось «караулъ», полицейскіе—прятались; когда кричали «ура»—слышались свистки, и—раба Божія волочили куда слѣдуетъ: не смѣй безчинствовать чему радуешься.

Я живу в деревнѣ и городскихъ вашихъ порядковъ в настоящее время не знаю; а, можетъ ихъ, порядковъ-то, в городѣ никакихъ и нѣтъ—мнѣ неизвѣстно. А в деревнѣ у насъ творится такое, что не то что чортъ, а и квартальный допотопной эпохи государства Россійскаго не разберетъ. Тотъ кричитъ ура, этотъ благимъ матомъ—караулъ, а за что, про что—не разберешь.

Иду это я какъ то (дѣло было передъ вечеромъ) по деревнѣ—слышу, в одномъ дворѣ кто-то караулъ оретъ, да такъ, что ажъ ушамъ больно. Подхожу ближе, къ плетню, гляжу черезъ плетень: стоитъ человекъ среди двора, в совершенно истрепанной тулужкѣ с учительской арматурой, безъ головного убора, обутъ или нѣтъ—не могъ разглядѣть, потому что нижнія части ногъ были в снѣгу—и кричитъ этотъ самый человекъ караулъ, жалобно-жалобно, точно его кто рѣжетъ. Но такъ какъ, кромѣ меня никого не было, то я и рѣшилъ, что человекъ с жиру бѣсится.

И много такихъ случаевъ.

Крапива.

Совѣты

— Если имѣешь искреннее желаніе отговорить своего лучшаго друга отъ путешествія къ сѣверному полюсу—замани его в какую-нибудь сельскую школу.

— Когда на тебя нападетъ тоска, выжди моментъ и самъ на нее напади.

— Если страдаешь ожирѣніемъ—поступай сельскимъ учителемъ.

Гражданинъ Дятелъ!

Такъ дѣло вотъ в чемъ: Вы предприняли

уже издательство словаря. Но такое изданіе на манеръ Павленковскаго, хотя и будетъ популярнымъ, но не настолько полезнымъ и всеосвѣщающимъ какого хотѣлось бы всему птичьему царству. С своей стороны предложилъ бы Вамъ сдѣлать это изданіе вродѣ Брокгаузъ-Ефронскаго. В немъ и я Старый Сычъ принялъ бы нѣкоторую долю участія, хотя бы по отдѣлу Государственнаго права. Правда, оно теперь упразднено, но вѣдь нѣкоторыя словечки то из него остались и все еще продолжаютъ вращаться в жизненномъ обиходѣ. На Ваше благосклонное вниманіе представляю первые четыре слова. Подойдутъ—ладно. Нѣтъ—и не надо.

С. Сычъ.

Декретъ. Это то самое, про что обыкновенно говорятъ: «бумага все терпитъ». Прежде начинались: «По Указу Его Императорскаго Величества». Теперь: «Приказомъ Народныхъ Комиссаровъ».

Учредительное Собраніе. Когда придетъ чередъ, тогда и соберется. А теперь, какъ и всѣ смертныя, в хвостѣ стоитъ. Впереди: Совдены, Кредепы, Викжели, Потели и пр. Демократическіе ребята.

Республика. Только первыя три буквы замѣнить междуметіемъ «ну» и союзомъ «и». И всѣмъ станетъ понятно безъ перевода.

Викжель. По всей вѣроятности происходитъ отъ «визгъ желѣза». Дополняетъ картину разрухи транспорта: визжитъ, стучитъ, грохочетъ, но... не везетъ.

—<>—

Редакторъ Ф. И. Чудаковъ.

УЧИТЕЛЬНИЦА

ГОТОВЛЮ И РЕПЕТИРУЮ.

Офицерская, 4.

А. Малахова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Открыта подписка на 1918 г.

на большую ежедневную рабочую газету

ГОЛОСЪ ТРУДА

ОРГАНЪ СОЦІАЛЬ ДЕМОКРАТОВЪ-МѢЬШЕВИКОВЪ

„Голосъ Труда“ ставитъ своей задачей: способствовать объединенію всѣхъ ЗДОРОВЫХЪ элементовъ рабочаго класса, всѣхъ тѣхъ, кто не оглушенъ громкими фразами, кто не захлебнулся мнимыми успѣхами; всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ на государственной точкѣ зрѣнія.

„Голосъ Труда“ стоитъ за скорѣйшее достиженіе мира въ согласіи съ нашими союзниками, за укрѣпленіе власти УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ.

„Голосъ Труда“ особенное вниманіе будетъ удѣлять защитѣ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ИНТЕРЕСОВЪ трудящихся, выясненію теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ рабочаго профессиональнаго движенія (профессиональныя союзы, Совѣты Рабоч. Депутатовъ, кооперація и пр.). Отдѣлы „Рабочая Хроника“ и „Около золота“ будутъ расширены.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 1 мѣсяць—3 рубля, на 2 мѣсяца—6 рублей, на
3 мѣсяца—9 рублей.